

ИНТУИЦИЯ И ЧУВСТВО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Заикина Елизавета Романовна

Гусева Виолетта Алексеевна

студенты факультета лингвистики

и межкультурной коммуникации

ФГБОУ ВО «Юго-Западный

государственный университет»

Аннотация: В статье рассматриваются феномен языкового чутья (языковой интуиции) с позиций психологии, когнитивной лингвистики и методики обучения русскому языку. Исходя из определения функций чувства языка, в статье были установлены условия его использования в процессе формирования культуры речи.

Ключевые слова: Чувство языка, языковая интуиция, искусственный язык, средства коммуникации, образование, профессиональная деятельность, изучение языка, грамотная речь.

Одной из важных задач лингводидактики является совершенствование программ и учебных пособий по обучению языку и развитию речи детей дошкольного возраста. Его решение требует не только разработки новых методов обучения, а и исследования тех психических образований, которые формируются у детей в процессе языкового и речевого развития. В частности, языковой компетенции, которая в качестве интуитивного компонента занимает “чувство языка”. Эта научная метафора используется для обозначения недостаточно осознаваемых или полностью интуитивных процессов восприятия языкового материала и порождение речевого высказывания. По мнению С. Караванского, это то, что порой называют “естественным языковым вкусом” или “чувством языка”. “Чувства языка” – термин условный. Существует комплекс этических рекомендаций и требований. В определенной языковой среде человеку необходимо их придерживаться. О тех, кто в своей языковой практике наиболее полно удовлетворяет эти требования, мы говорим, что они имеют развитое “чувство языка” или “естественной языковой вкус” [6].

Почти все авторы пишут о том, что решения, которые диктуются чувством языка, человеком плохо осознаются. Поэтому, вероятно, психологическое содержание чувства языка следует искать среди неосознаваемых механизмов (Т.М.Ушакова). Механизм этого чувства формируется спонтанно только в рамках языковой практики. В какой-то мере, это говорит о невысокой степени произвольности в его работе: он не может быть начат по произвольному желанию человека (в отличие от отработки правила) и потому невозможны специальные отдельные тренировки. Можно и дальше продолжать обзор точек зрения разных ученых, которые занимаются проблемами чувства языка, однако это не поможет выработать ни единого понятия, что отражает существенные стороны обсуждаемого явления, ни дать единого определения, которое бы удовлетворило большинство специалистов в области психолингвистики.

Не случайно один из разделов монографического исследования Е.Д. Божович, посвященного изучению языковой компетенции школьников, называется: “Чувства языка” – срок или научная метафора” [5]. Автор предлагает такой выход: “До тех пор, пока мы не договоримся о любом ограничении содержания этого выражения (имеется в виду “чувство языка”), оно останется метафорой; им невозможно будет пользоваться как термином. Более того, не сможем уверенно соотнести это выражение с тем или иным понятием в психологии, например, – с понятием “интуиция” [5, с.124]. Ученый определяет три условия, а именно: 1) когда бессознательно используется актуально не осознанное знание или навык, 2) когда “чувства языка” выступает как чувство и заменяет знание, 3) когда носитель языка не может не действовать “с чувством”, так как ему невозможно дать однозначно сформулированное знание. Также автором подчеркивается: “исходя из различения этих ситуаций, договоримся понимать под “чувством языка” механизмы выбора языковых единиц, ответственного использования и прогноза высказывания, когда соотношение семантического и грамматического носит объективно неформализованный характер, вариативный характер. Такое соотношение наиболее четко проявляется на высших уровнях языка ... лексико-фразеологическом, синтаксическом, стилистическом” [5, с.124-125]. Именно это определение мы использовали в своем исследовании.

По мнению Г.М. Богомазова, языковое чувство – это определенное состояние этого развития, то есть синхронный срез, момент динамического

равновесия этого развития. Известно, что на разных этапах развития языкового мышления носитель языка будет обладать разным уровнем языкового чувства. То есть, чувство языка имеет свою динамику развития, связанную с развитием речевого мышления, но особенности этих двух взаимосвязанных процессов не тождественны друг другу [3, с. 34]. При таком понимании чувства языка нет необходимости делать его аспектуальным, одномерным, применяемым только к определенному классу случаев, тем более что в процессе языкового мышления используются все уровни языка как целостного образования. Все это позволяет рассматривать языковую интуицию в рамках лингвистических категорий, но не психологических, а точнее как явление психолингвистики, если учитывать современное развитие языкознания.

По нашему мнению, наиболее точным аспектом наличия сформированного чувства языка может служить критерий, предлагаемый В.Д. Божович, а именно: наличие особого интуитивного механизма речевого мышления, который отличает чувство языка от рационально-логического мышления и вступает в действие, когда характеристики и отношения в языковом материале не поддаются строгой формализации. Опираясь на этот подход, мы определили, какие именно аспекты восприятия искусственного текста осуществляются механизмами, отличными от рационального мышления.

Способность использовать слова по определенным законам их сочетаемости, по мнению Л.В. Щербы, базируется на грамматическом инстинкте, в основе которого лежит речевая организация, которая имеет психофизиологические корни. Интерес к искусственным текстам начался с известной фразы Л.В. Щербы: “Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокренка”[10].

Мы использовали современный искусственный литературный текст, автором которого является Л.С. Петрушевская [9]. Сказка «ПУСЬКИ БЯТЫЕ». Т.М. Маркова отмечает, что игровая атмосфера, артистизм повествовательной организации сказки Л.С. Петрушевской «делают ее чрезвычайно привлекательной зоной художественного эксперимента» [7, с. 194]. Л.С. Петрушевская так объяснила происхождение сказки: “Наташе был годик, и она никаких сказок не понимала. Пела ей мама на ночь, пела, а однажды, раз подумала и решила рассказать ей сказку на ее же языке и начала: “*Сяпала Калуша по напушке и увазила бутявку*” [9, с.13].

Писательница проводит эксперимент в жанре народной словесной письменности, сочетает звуки в слова, а слова – в фразы по принципу гротеска. Традиция создания сказок на основе грамматических и фонетических форм языка без традиционной семантики слова восходят к Льюису Кэрроллу, дадаистов, футуристов; а в теоретическом плане – к академику Л.В. Щербы. Гротескные образы рождаются на стыке традиционной грамматической формы и нулевой семантики слова. Этот гротескный прием работает на уровне поэтического образа (звуковую, грамматическую форму), актуализировав принципы детской речи, где важнее столько смысл, сколько интонация, не значение, а звукоряд, собственно они и становятся семантикой “детского языка”. Часто эту сказку вспоминают как просто забавный, интуитивно понятный текст со словами, которых нет ни в одном языке. Некоторые слова из сказки вошли в разговорную речь и даже в новые словари. Для корректности получения результатов нами было подготовлен текст на русском языке для детей. Приведем содержание этого текста:

Пуськи бятые

Сяпала Калуша по напушке и увазила бутявку. И волит: – Калушата, калушаточки! Бутявочка! Калушата присяпали и бутявку стрямкали. И подудонились. А Калуша волит: – Оее, оее! Бутявка-то некузявая! Калушата бутявку вычучили. Бутявка вздребезнулась, сопритюкнулась и усяпала с напушки. А Калуша волит:

– Бутявок не трямяют. Бутявки дюбые и зюмо- зюмо некузявые. От бутявок дудонятся. А бутявка волит за напушкой: – Калушата подудонились! Калушата подудонились! Зюмо некузявые! Пуськи бятые!

(Л. С. Петрушевская)

Эти тексты не имеют ни одного знакомого ребенку слова, кроме служебных частей речи: предлогов, союзов и частиц. Для образования искусственных слов автором было использовано несуществующие в нашем языке корни и известные приставки, суффиксы, окончания (аффиксы). Оказывается, что именно служебные морфемы (аффиксы) передают настолько много информации о слове, что подобные тексты вполне понятны. Сказка имеет сюжет. Заметим, что здесь также создано действие, настроение. Понятность этой сказки для ребенка связано с тем, что текст построен по законам русской грамматики и состоит из предложений, между которыми существует грамматическая связь. Именно суффиксы, префиксы, окончания,

используемые в соответствии с морфемными схемами, а также служебные слова (предлоги, союзы, частицы) обеспечивают понимание искусственных текстов. Использование такого подхода дает возможность переводить неперебиваемое – создавать аналогичные тексты уже с использованием правил грамматики других языков. С точки зрения психолингвистики (А.И.Негневичка, А.М. Шахнарович и др.), ориентированность ребенка на звуковую форму морфемы и “приписывание” морфеме мотивированного значения приводят ее к важному выводу: аналогичные явления обозначаются аналогичным способом [8, с. 42]. Именно в этом авторы видят “причину” появления многочисленных новообразований (“неологизмов”). Это те слова, которые ребенок никогда не слышал от взрослых, которые образованы в полном соответствии с обобщёнными представлениями о “работе” того или иного элемента. Каждое предложение в предлагаемом искусственном тексте тоже построено по законам грамматики. Ребенок может с помощью вопросов интуитивно даже провести анализ любого предложения, определить главные и второстепенные члены, установить логическую связь между словами: *усяпала/ упроштуванила* (откуда?) *с напушки/с наліску*; *бутявки некузяві* (как?) *зюмо-зюмо/ дюжо-дюжо*.

Нами было проведено исследование с целью выяснения возрастного диапазона, который определяет понимание искусственного текста и возможностей создания подобного. Было обследовано 10 детей в возрасте от 5 до 8 лет, посещающих ДОО и первый-второй классы начальной школы. Все дети имели уровень речевого развития в соответствии с возрастными показателями. Детям прочитали сказку, далее им предлагалось ответить на несколько вопросов:

1. Про кого эта сказка? Что произошло, какое событие? 2. На каком языке написана эта сказка? 3. Кто главный в этой сказке? Калуса - это живое или не живое существо? 4. Кто такие калусата? 5. Какое у тебя настроение после чтения этой сказки?

В результате мы получили очень интересные ответы. Дети представляли себе волчицу с маленькими волчатами, которые охотились на коров. Каждый ребенок понимал сюжет сказки по-своему. Развивалась фантазия и когнитивное мышление.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Нельзя не согласиться с мнением Л.И. Айдаровой, что причиной “затухания”

лингвистического подхода к изучению слова является “практическая жизнь ребенка, которое почти не предлагает перед ней задач, для решения которых необходимо такое отношение” [1]. Однако, как отмечает известная исследовательница, специальная постановка таких задач может снова “воскресить” это чутье и дать новый толчок для его развития, или на новой основе сформировать его.

В детской речи устанавливают наличие чувства языка в особенном масштабе. Языковую интуицию у ребенка следует развивать в практических умениях: ребенку необходим максимальный объем языкового материала в сочетании со способностью и склонностью к его неосознанного анализа, а педагогу - иметь в методической копилке достаточное количество художественных текстов. для дальнейшего развития интуитивной грамотности у учеников.

В процессе изучения языка необходимо, прежде всего, развивать языковую интуицию, которая позволяет понимать неизвестные человеку языковые выражения. Развитие языковой интуиции имеет значение не только в усвоении иностранного языка, но и родного. Результаты нашего исследования свидетельствуют о возможности использования искусственных художественных текстов в практике обучения детей языку, особенно когда речь идет о языковой интуиции, которая в совокупности является компонентом языковых способностей.

Список литературы

1. Идарова Л.Ы., Савельева Т.М. О возможности овладения младшими школьниками методом лингвистического анализа // Вопр. психологии. – 1972. – № 3. – С.85-95.
2. Айдарова Л.Ы., Горская Л.Я., Цукерман Г.А. Психологические проблемы введения первоклассников в ситуацию исследования родного языка // Вопр. психологии. – 1976. – № 2. – С.83-95.
3. Богомазов Г.М. Соотношение понятий чутье языка, чувство языка, языковая компетенция, языковая способностью/ теоретические и методологические проблемы психолингвистики/ Вопросы психолингвистики. – 2007. - №6. - С.33-37.

4. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию: В 2-х т. Т. 2 – М.: Издательство АН СССР, 1963. – 391 с.
5. Божович Е.Д. Учителю о языковой компетенции школьника. Психолого-педагогические аспекты языкового образования. – М - Воронеж, 2002.
6. Караванский С. Поиск украинского слова, или борьба за национальное “я”. – К.: ВЦ “Академия”, 2001 . – 240 с.
7. Маркова Т.Н. Эстетический диапазон сказок Л. Петрушевской: Монография. - М.: Изд-во Моск. гос. обл. ун-та, 2003. - С.194-206.
8. Негневицкая Е.Ы., Шахнарович А.М. Язык и дети. – М.: Наука, 1981. – 111 с.
9. Петрушевская Л. Дикие животные сказки. Морские помойные рассказы. Пуськи Бятые. – М. : Изд-во Эксмо, 2005. – 416 с.
10. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.

© Е.Р. Заикина, В.А. Гусева, 2022